

Сильченков К. Н. О возможности и значении научно-художественного изображения Господа нашего Иисуса Христа: (К вопросу о психологических основах христианства) // Богословский вестник 1897. Т. 1. № 2. С. 209–228 (3-я пагин.). (Окончание.)

О возможности и значеніи научно художественнаго изображенія Господа нашего Іисуса Христа.

(Къ вопросу о психологическихъ основахъ христіанства)

Что изначала дало побѣду христіанству, то и всегда должно разсматриваться, какъ основаніе его силы, его могущества въ духовной жизни человѣчества. Все христіанство основано на любви къ Богочеловѣку Христу, а любовь къ Христу, какъ мы видѣли, основана на возможности познанія и пониманія Его человѣкомъ. И если любовь эта изначала явилась столь великою и непобѣдимую именно потому, что Христось есть не только истинный Богъ, но и доступный человѣческому познанію и пониманію совершеннѣйшій человѣкъ, то въ осуществленіи возможности познанія Его лежитъ и нмѣтъ вся сила христіанства: въ степени дѣйствительнаго познанія и пониманія Христа возрастаетъ любовь къ Нему человѣка.

Связь между познаніемъ Христа и любовью къ Нему станутъ еще яснѣе, если обратить вниманіе на то, что познаніе Богочеловѣка не есть отвлеченное только. Даже можно сказать, что всего менѣе оно можетъ быть отвлеченнымъ. Познаніе совершается какъ бы чрезъ приближеніе къ познаваемому,—приближеніе же къ Спасителю, совершеннѣйшему по человѣческой природѣ Своей человѣку, и чрезъ то—пониманіе Его—возможно всего болѣе, конечно, чрезъ уподобленіе, приближеніе къ Нему въ совершенствѣ собственной природы своей.

Съ другой стороны, познаніе Христа чрезъ уподобленіе Ему, чрезъ нравственное къ Нему приближеніе, оставаясь преимущественнымъ, не является, однакоже, исключитель-

нымъ; оно не устраняетъ возможности познанія Его и въ представленіяхъ и понятіяхъ разума: и въ наукѣ, и въ искусствѣ. Напротивъ—оно является основою для этихъ родовъ познанія и въ такомъ смыслѣ — даже предполагаетъ ихъ. Человѣкъ живетъ различными сторонами своего существа, но всѣ стороны его жизни — нераздѣльны между собою,—вотъ почему всѣ эти стороны и должно обнимать христіанство, или, точнѣе, то стремленіе ко Христу, которое есть сущность Христіанства. Когда наблюдается напряженное стремленіе къ научному познанію Христа или—къ художественному воспроизведенію Его: это знакъ и нравственнаго стремленія къ Нему въ христіанскомъ обществѣ, знакъ неохладѣвающей любви къ Нему. И когда, наоборотъ, образъ Его не вдохновляетъ уже болѣе человѣка въ научномъ и художественномъ его трудѣ,—трудно не видѣть въ этомъ причинъ, глубоко лежащихъ въ охлажденіи христіанской жизни народовъ вообще. Въ силу именно указанной нераздѣльности всѣхъ сторонъ своей жизни, человѣкъ, при стремленіи нравственно приблизится къ своему Спасителю, не можетъ отказаться и отъ стремленія разумомъ проникнуть въ тайны жизни Богочеловѣческаго Его духа—и отъ стремленія эстетическаго чувства: Богочеловѣческую красоту въ возможной степени выразить въ прекрасныхъ твореніяхъ человѣческаго генія.

Наука и искусство необходимо привлекаются, слѣдовательно, къ дѣлу познанія человѣкомъ Спасителя своего, но наука и искусство суть средства къ общенію въ познаніи всѣхъ людей,—и такимъ образомъ то созиданіе Христа въ душахъ отдѣльныхъ вѣрующихъ, о которомъ говоритъ Апостоль въ посланіи къ Галатамъ (*Дити мои! — для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколь не изобразится въ васъ Христосъ... IV, 19*), переходитъ въ *общечеловѣческую* работу надъ созданіемъ образа Спасителя своего.

Исторія христіанской науки, литературы и искусства представляетъ намъ, дѣйствительно, цѣлый рядъ опытовъ воспроизведенія Лица Богочеловѣка; не было другого предмета, который бы привлекъ въ этомъ отношеніи столько вниманія. И рвеніе не ослабѣваетъ; предметъ неисчерпаемо богатъ. Ученые и художники — слова, кисти, рѣзца,

звуковъ стремились и стремятся на эту арену, вносили и вносятъ послѣднюю ленту въ дѣло всего человѣчества — уразумѣнія Спасителя своего, познанія Сына Божія. Въ эту сокровищницу, въ этотъ нерукотворенный храмъ, воздвигаемый человѣчествомъ Христу Спасителю, вносится все хорошее, что человѣкъ можетъ изнести изъ глубины своего духа, все святѣйшее, чистѣйшее, во что онъ вѣруетъ, чѣмъ живетъ, что составляетъ святая святыхъ его души... Различно участіе въ великой работѣ. Одни созидаютъ непосредственно; другіе причастны ей, только какъ члены того общества, ростъ и развитіе котораго обусловливаетъ явленіе великихъ, выдающихся работниковъ, въ работѣ своей выражающихъ содержаніе духовной жизни цѣлыхъ эпохъ въ высшихъ и совершеннѣйшихъ ся областяхъ.

Различной цѣнности и тѣ камни, какіе сносятся на строеніе великаго зданія, и нѣтъ сомнѣнія, что и къ этому званію приложимы слова Апостола: въ большомъ домѣ есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные, и глиняные (2 Тим. II, 20); нѣтъ сомнѣнія, что инья изъ числа приносимыхъ на его сооруженіе жертвъ бесполезны, а другія и совсѣмъ не отвѣчаютъ достоинству Того, въ Чье имя онѣ приносятся. Можетъ ли, однако, это служить основаніемъ къ прекращенію работы величайшей важности и значенія?.. Неудача нѣкоторыхъ должна ли служить къ осужденію труда всѣхъ?.. *Abusus non tollit usum*, — говоритъ древнее изреченіе.

Въ чемъ же великое значеніе *научно-художественнаго* воспроизведенія Лица Спасителя?.. Какой смыслъ общечеловѣческаго труда воссозиданія образа Его?.. И какое отношеніе имѣетъ онъ къ тому изображенію Христа въ сердцѣ отдѣльныхъ вѣрующихъ („доколь не изобразится въ васъ Христосъ“..), которое единственно необходимо для спасенія ихъ, которое навсегда привязываетъ человѣка ко Христу силою возбуждаемой имъ любви къ Нему?..

Мы подошли къ главному вопросу своего изслѣдованія. Первый отвѣтъ на него мы укажемъ въ томъ принципѣ единенія, осуществляемаго чрезъ любовь, который прилагается христіанствомъ и къ дѣлу познанія Сына Божія. Скажемъ подробнѣе о примѣненіи, которое получаетъ здѣсь этотъ великій принципъ.

Апостолъ говоритъ объ учрежденіи въ Церкви іерархіи, что она предназначена—„къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія“ (Еф. IV, 12—13). Но единство вѣры и познанія Сына Божія въ здѣшней жизни достижимо лишь въ смыслѣ ограниченномъ, условномъ,—въ смыслѣ искорененія нечестивыхъ ересей, сѣявшихъ смуту и несогласія въ Церкви. Вообще же это единство составляетъ столь же безконечный идеаль, какъ и заповѣдь Спасителя: „будите убо вы совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Мѡ. V, 48). Единнымъ познаніемъ Сына Божія могло бы быть, очевидно, въ томъ лишь случаѣ, когда оно было бы совершеннымъ (адекватнымъ познаваемому). Но очевидно также, что человѣческое познаніе такимъ быть не можетъ, а потому въ немъ необходимо должно быть различіе, обусловленное ограниченностью познающихъ и отражающее личныя индивидуальныя черты каждаго изъ нихъ.

Отсюда то и раскрывается все значеніе братскаго единенія въ дѣлѣ познанія Христа. Творчески возсозидая себѣ образъ Спасителя своего, человѣкъ безсознательно и сознательно украшаетъ его тѣми совершеннѣйшими и прекраснѣйшими чертами характера, пониманіе которыхъ наиболее доступно ему. Именно эти черты поражаютъ вниманіе его при чтеніи Евангелія, именно онѣ увлекаютъ его находя себѣ отзвукъ въ индивидуальной природѣ его собственной души ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ познаніе Богочеловѣка есть лучшее средство къ познанію себя самого, точнѣе говоря, къ познанію идеала добра и красоты, индивидуально присущаго каждому изъ насъ и выражающаго лучшія стороны нашего личнаго духа. (Какъ велико и въ этомъ отношеніи значеніе познанія Христа!).

Въ познаніи каждаго образъ Богочеловѣка отражается, так. обр., только извѣстными чертами, — сіяетъ въ немъ,

¹⁾ Проф. М. Д. Муретовъ: „каждый христіанинъ носитъ въ себѣ преимущественнѣе тѣ черты богочеловѣческаго образа Христа, какія болѣе близки къ нему, болѣе сродны ему по условіямъ природнаго настроенія духовной жизни, воспитанія, народности, разныхъ случайностей въ жизни и т. п.“—Богосл. Вѣсти. 1893 Апр. стр. 92. (Изъ статьи Эрнестъ Ренанъ и его Жизнь Иисуса).

какъ солнцу въ малой каплѣ водѣ. И безконечно разнообразіе этого отраженія!... Иѣтъ въ мірѣ души человѣческой, тождественной другой, и это выражается, напр., въ томъ даже, что иѣтъ, какъ утверждаютъ, почерка, тождественнаго у двухъ лицъ, и при судебной экспертизѣ единство почерка считается достаточнымъ удостовѣреніемъ единства лица писавшаго. Если въ такомъ дѣлѣ, — если въ начертаніи 36 буквъ алфавита, состоящихъ изъ немногихъ и довольно при томъ однообразныхъ основныхъ линий, закругленій и чертъ, — успѣваетъ отразиться индивидуальная душа человѣка; то не болѣе ли того необходимо должна отразиться она въ дѣлѣ познанія Сына Божія?.. Въ безпредѣльности Его духовной жизни, при изученіи и представленіи ея даже постольку, поскольку Онъ былъ человѣкомъ, могутъ, какъ пигдѣ, отразиться всѣ безчисленныя человѣческія души, ибо и человѣческая душа Богочеловѣка обсмлетъ и совмѣщаетъ всѣ возможныя черты индивидуальныхъ свойствъ человѣка.

А если познаніе Богочеловѣка Христа каждымъ носить характеръ индивидуальный и потому неизбежно является одностороннимъ и недостаточнымъ: то отсюда и раскрывается вся великая важность и даже необходимость общенія въ познаніи Его всѣхъ, что достигается въ общечеловѣческомъ достоиніи: наукѣ, литературѣ и искусствѣ.

Воспользуемся здѣсь прекраснымъ образомъ, заимствованнымъ изъ древне-христіанскаго преданія. Человѣчество, представляется намъ, — и нынѣ предстоитъ духовному лику Христа, впечатлѣнному на богодухновенныхъ страницахъ Евангелія, какъ нѣкогда стоялъ предъ нимъ художникъ Эдесскаго князя, Авгаря. Ему поручено было снять портретъ съ Учителя Галилейскаго, но снять портрета онъ не могъ.

Мысленно мы перенесемъ въ положеніе живописца, принявшаго невозможный подвигъ изображенія Христа. Мы спросимъ: въ чемъ же было дѣло?.. Нельзя же по дѣтски дѣло представлять такъ, что въ разные моменты ликъ Христа мѣнялся, — что, напр., черты Его лица то удлинялись, то становились короче или что и. под.

Иѣтъ. Но каждая черта Божественнаго лика отражала столь необычайную полноту духовной жизни, что поражен-

ный художникъ не могъ не сознать безсилія своего генія предъ ней. Вотъ великая идея уже осянула его умъ; ему мнится, что онъ уразумѣлъ ту безконечно великую мысль, которую выражало лице Спасителя; его рука уже сжимаетъ кисть, но кисть его безсильна запечатлѣть эту мысль... Онъ вновь обращается, пораженный, ко Христу и вновь созерцаетъ великую мысль, но уже съ другимъ идеально прекраснымъ оттѣнкомъ, — переходящую въ иную безконечную мысль.....

Дивное сказаніе!.. Окружающіе, быть можетъ и не наблюдали перемѣнъ въ лицѣ Иисуса Христа; образъ Его былъ все тотъ же, всѣмъ извѣстный и знакомый (онъ сразу долженъ былъ становиться всѣмъ извѣстнымъ и знакомымъ: вспомнимъ появленіе Христа въ „Великомъ Инквизиторѣ“ у Достоевскаго); но вотъ человѣку, по долгу служенія его, надлежало этотъ всѣмъ хорошо извѣстный ликъ начертать и запечатлѣть навсегда, и—что же?... Исполнить свое намѣреніе художникъ не въ силахъ; дрожащая рука роняетъ кисть; взоръ недвижно приковывается къ Лику, которому что-либо равное онъ думалъ создать. Въ Единомъ онъ видитъ безконечную множественность, въ Извѣстномъ всѣмъ онъ усматриваетъ то, что никому неизвѣстно, что и не можетъ быть извѣстнымъ, что и ему предстало, какъ непостижимая, великая тайна.... Онъ видитъ, что не образъ здѣсь нуженъ, а безчисленные иконы и образа, безчисленные творенія человѣческихъ рукъ,—и никогда ни всѣ люди вмѣстѣ, ни одинъ кто-либо изъ нихъ въ отдѣльности не создадутъ совершеннаго изображенія Христа: ни въ постоянномъ Его видѣ, ни—въ отдѣльный моментъ Его жизни... *Но въ созиданіи Его образа—задача всей ихъ жизни* ¹⁾, и отъ такого созданія, не взирая на недостижимость идеала его, они никогда не откажутся, какъ не откажутся отъ стремленія къ совершенству—по образу Небснаго Отца....

Недостижимость идеала и здѣсь, какъ и вездѣ, не противорѣчитъ законности самого стремленія къ нему. Какъ нерукотворенный образъ Господа среди всѣхъ возможныхъ изображеній Его, такъ, нѣтъ сомнѣнія, и Евангеліе среди

¹⁾ Говоримъ о внутреннемъ—прежде всего—созданіи, согласно Апостолу,—и о внѣшнемъ, поскольку оно неразрывно связано со внутреннимъ.

произведеній слова (мы говоримъ преимущественно именно о нихъ) навсегда, конечно, останется неизмѣримо выше всѣхъ опытовъ научно-художественнаго воспроизведенія образа Христова; нельзя даже и сравнивать ихъ; единственно достойное Богочеловѣка повѣствованіе о Немъ можетъ принадлежать лишь Богу же, Духу Св., а не человѣку. Но не участвовать дѣятельно въ воспріятіи божеств. Откровенія человѣкъ не можетъ. На ряду съ Божественнымъ творчествомъ въ религіозной жизни не прекращается, да и прекращаться не должно—и творчество человѣческое, ибо человѣкъ есть свободный дѣятель міра. Пусть творчество человѣческое безконечно ниже Божественнаго: оно необходимо, однако, служа обнаруженіемъ жизни духа человѣка; оно угодно Богу, Который въ свободѣ, дарованной человѣку, призвалъ твореніе Свое къ дѣятельности творческой. Пусть созданный человѣкомъ образъ Богочеловѣка принизится только до образа необыкновеннаго человѣка; недостающее восполнено будетъ сознаніемъ немощи своего творчества и вѣрой въ Божество Изображаемаго, въ бытіе въ Немъ и непостижимой уже и неизобразимой природы, соединившейся съ совершеннѣйшей природой человѣка,—постижимой до извѣстной степени и подлежащей творческому возсозданію человѣка въ лучшихъ мечтахъ его объ идеальной красотѣ собственной природы своей. . . За то Богочеловѣкъ приблизится къ человѣку, за то Онъ снизойдетъ, какъ съ небесной выси па землю, съ божеств. страницъ Евангелія—въ душу вѣрующаго: въ его умъ, полный образами о Немъ; въ его сердце, полное любовью къ Нему. . . Такъ и ранѣ Самъ Господь благоволилъ уничтожить Себя и явиться во образѣ раба—человѣка—для того, чтобы чрезъ этотъ образъ и при посредствѣ его люди могли познать безконечнаго Владыку всѣхъ Бога и пріять Его, какъ дѣти пришедшаго къ нимъ Отца. . . Долгъ человѣка—лишь помнить и сознать, что душа его вмѣщаетъ Необъятнаго, что сердце его полно Всенеполняющимъ, умъ мыслить и воображеніе представляетъ Недомыслимаго, Непостижимаго, Неизобразимаго; сознать, что лишь по безкопечной благодати, какъ человѣка, познаетъ онъ Того, Кто безконечно выше человѣка: *Богочеловѣки*.

Но благодать такого познанія неотъемлема въ христіан-

ствѣ, существенно свойственна ему, отвѣчаетъ основной его идеѣ. Какъ человѣка именно и должно познать человѣку Богочеловѣка, съ-нами—Бога; въ этомъ познаніи величайшее, безконечное благодѣяніе Бога. Творчество человѣка должно касаться намъ подобной, а потому — понятной, а потому—безконечно дорогой человѣческой жизни Богочеловѣка: поскольку Онъ есть истинный человѣкъ, Спаситель дѣятельно долженъ быть познанъ человѣкомъ, т. е. . перевоплотиться въ его сознаніи въ живой образъ, въ ему дорогое, живое Лице.

Въ этомъ то перевоплощеніи и сказывается творческая дѣятельность человѣческаго духа. Дѣйствительно, земная жизнь Іисуса Христа, какъ протекала она среди человѣческихъ условій и обстановки, неподражаемое и несравненное повѣствованіе о себѣ имѣетъ въ четвероевангеліи. Но каждое слово божественной Книги вызываетъ у человѣка цѣлый рядъ образовъ и представленій о безгрѣшномъ, незлобивомъ и благодѣйшемъ Искупителѣ его. И если въ созерцаніи красоты твореній человѣческаго духа возможно проводить часы, когда виѣшній міръ забывается, и душа наполняется мыслями и сладостными чувствами, какъ бы рождающимися отъ этого созерцанія, и цѣлый новый міръ тѣспится въ нее: то что же сказать о созерцаніи красоты нерукотвореннаго, Богоначертаннаго образа Спасителя въ Евангеліи?... Вся жизнь до краевъ не только можетъ, но и должна быть наполнена имъ, и это есть воистину новый міръ, куда вводится человѣкъ. Углубляться въ черты евангельскаго повѣствованія о Христѣ, изучать ихъ, разбирать, составлять, прояснять данными самонаблюденія, за краткими указаніями усматривать и чувствомъ близкой Спасителю своему души угадывать многое, что не сказано, въ несказанномъ совѣмъ предполагать то, что ясно изъ другихъ случаевъ, что согласно съ создавшимся уже и общимъ для всей Церкви Христовой образомъ Его: всего этого, безъ нравственнаго насилія надъ человѣкомъ, безъ насилія, въ частности, надъ его религіознымъ чувствомъ, воспретить ему нельзя. Въ этомъ смыслѣ Евангеліе не граница, не предѣлъ для человѣка, — иначе оно стало бы для него новымъ закономъ, новою буквою, мертвящею развитіе его духа.

Не затѣмъ приходилъ на землю Христось и не затѣмъ Онъ далъ Свое Евангеліе людямъ....

Великую работу возсозиданія въ общечеловѣческомъ сознаніи образа Богочеловѣка Иисуса Христа, разсмотрѣвши значеніе и сущность ея, мы можемъ уподобить мозаическому образу Его, составляемому изъ мельчайшихъ камней, приносимыхъ вѣрующими отъ себя, износимыхъ ими изъ сокровищъ сердець ихъ. Пусть, скажемъ вновь, — разноцѣнны эти камни и пусть будутъ въ числѣ ихъ такіе, которые незамѣтными и слишкомъ малыми будутъ въ общей работѣ: каждый несетъ сюда все же лучше, что только есть у него, что какъ-бы роднитъ его съ самымъ Богочеловѣкомъ. Какая это святыня челоѣчества!.. Какая сокровищница!... Это воистину Христось самъ, воплощающійся въ вѣрныхъ Своихъ! Это и челоѣкъ самъ, вновь усвоющій себѣ божественную красоту!....

И гдѣ выше проявленія того братства, которое завѣщаль Христось народамъ?.. Пбо не здѣсь ли становятся понятными другъ другу народы и племена, не здѣсь ли научаются они любить другъ друга, не здѣсь ли познаютъ на дѣлѣ общность природы своей въ ея лучшихъ свойствахъ и проявленіяхъ?.. Не здѣсь ли различіе вкусовъ, склонностей, характеровъ и всего духовнаго міра у различныхъ народовъ, обычно служащее причиною непониманія и вражды,—впервые дѣлается источникомъ новыхъ и драгоценныхъ для всѣхъ пріобрѣтеній въ общей работѣ, вызываетъ на особую благодарность Творцу, въ разнообразныхъ дарахъ Котораго челоѣку открывается возможность разносторонняго познанія Его Самого...

Мы выяснили психологическую необходимость изображенія Богочеловѣка Христа въ наукѣ и искусствѣ и соотвѣтствіе его основной идеѣ христіанства. Предъ нами вторая половина задачи: должно указать тѣ условія и тѣ границы, при которыхъ и въ которыхъ это познаніе и изображеніе Богочеловѣка, Сына Божія, возможны.

Познаніе и научно художественное воспроизведеніе Лица Иисуса Христа можно понимать въ такомъ смыслѣ, при ко-

торомъ отвѣтъ на вопросъ о самой возможности того и другого долженъ быть отрицательнымъ, такъ какъ утвердительный отвѣтъ на него необходимо велъ бы къ отрицанію Божества Христа. Говоримъ о мечтаніяхъ объ адекватномъ познаніи и реально художественномъ воспроизведеніи Лица Господа Иисуса Христа, — при попыткахъ осуществленія которыхъ, Богочеловѣчество Его можетъ разсматриваться развѣ въ несобственномъ только смыслѣ: вполне понятно, что при предположеніи возможности для одного автора или для коллективнаго творчества *исчерпать* содержаніе Личности Христа — необходимо другое предположеніе: Его ограниченности и возможности кому-л. и стать выше Его, чтобы творчески возсоздать Его образъ, ибо творецъ — выше своего творенія. Судъ надъ великими даже людьми челоѣчество совершаетъ, когда для нихъ уже „потомство настааетъ“, — когда теченіе времени какъ бы умаляетъ ихъ, какъ бы смягчаетъ блескъ ихъ славы, при ростѣ всего челоѣчества, при движеніи впередъ развитія его. Тогда въ общемъ своемъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ челоѣчество вырастаетъ надъ великими людьми своихъ предковъ: но Христосъ въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть и потомства для суда надъ Собою.

И художественная правда, какъ теперь ее понимаютъ, — какъ понимаетъ ее, напр. *Ренанъ*, — въ отношеніи изображенія Христа, конечно, немыслима; Его Богочеловѣчество составило-бы непримиримое противорѣчіе съ нею; это два взаимоисключающихъ другъ друга принципа. Намъ вѣтъ, впрочемъ, нужды говорить много по этому предмету, такъ какъ онъ подробно разсмотрѣнъ въ статьѣ проф. *М. Д. Муретова*, раскрывающей всю невозможность Ренановскихъ принциповъ жизнеописанія Христа ¹⁾. Но конечно,

¹⁾ Богосл. Вѣсти. Апр. 1893 Эрнестъ Ренанъ и его Жизнь Иисуса. — „Для наглядно реального изображенія Богочеловѣка вѣтъ и быть не можетъ у челоѣка ни соответствующихъ красокъ, ни звуковъ, ни словъ; ибо никакими звуками челоѣческой музы и никакими словами челоѣческаго языка, никакими движеніями рукъ и глазъ челоѣческихъ невозможно возсоздать образъ Богочеловѣка, дать выраженіе безграничной души Богочеловѣка, изобразить нераздѣльное единеніе Божества и челоѣчества въ лицѣ воплотившагося Сына Божія, — начертать такое тѣло, которое могло исчезать, ходить по водѣ, снѣтъ небеснымъ свѣтомъ, въ состояніи смерти источать живую кровь, воскреснуть, проникать чрезъ затворенныя двери, воз-

возможенъ и другой родъ изображеній Богочеловѣка. О немъ проф. М. Д. Муретовъ замѣчаетъ: „Христосъ можетъ быть изображаемъ символически и условно, въ видѣ ли монограммы, или аллегорической фигуры, или, наконецъ, православной иконы греческо-русской ¹⁾... Мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ этимъ краткимъ словамъ,—подробнѣе именно сказать о символичности и условности изображеній Христа, точнѣе опредѣлить объемъ и содержаніе этихъ понятій.

Изображенія Богочеловѣка, носящія печать символизма или условности, составляютъ, по нашему мнѣнію, прямую противоположность тѣмъ реально-художественнымъ изображеніямъ Его, возможность которыхъ, какъ мы сейчасъ видѣли, совершенно должно отвергнуть; они должны быть чуждыми всего, что претитъ христіанскому чувству въ художественномъ реализмѣ, когда онъ наблюдается относительно изображенія Спасителя. Но нельзя, съ другой стороны, символизма и условности понимать слишкомъ строго, въ такомъ смыслѣ, который исключалъ бы возможность

нести на небо одесную Отца, присутствовать повсемѣстно на землѣ среди вѣрующихъ въ таинствѣ свхаристіи“... ст. 102.

„Такъ это въ живониси, такъ это и въ словѣ. Никакихъ новѣйшихъ „жизней, жизнеописаній, характеристикъ (Svatersterbild), исторій Іисуса изъ Нацары“ и т. д. Православная Церковь не знала и доселѣ не вѣдаетъ... Понятна причина. Какъ начертаніе лика Спасителя оказалась не во власти рукотворнаго искусства человѣческаго и потребовало божественнаго чудотворенія: такъ и изображеніе Безгрѣшнаго Богочеловѣка въ словѣ не можетъ быть дѣломъ обычно-человѣческаго гения или естественнаго вдохновенія, но требуетъ сверхъ естественнаго акта богодухновенности. Никакой человѣческій гений не можетъ обладать ни такою силою воображенія, чтобы даже съ болѣе или менѣе приблизительно достаточною наглядностію воспроизвести образъ Богочеловѣка,—ни такою гибкостью и обиліемъ рѣчи, чтобы передать этотъ образъ въ звукахъ и словахъ. Человѣкъ, самъ по себѣ, всегда воспроизведетъ только человѣка, а не Богочеловѣка,—слѣдовательно только оземлянитъ, принизитъ и затемнитъ пренебесный, превышній и пресвѣтлый образъ Богочеловѣка прикосновеніемъ къ Нему своей грѣховной мысли, нечистаго воображенія и земной рѣчи“.

Стр. 106.

...„Никакой *человѣчскій* гений не въ состояніи начертать образъ Богочеловѣка съ такъ называемымъ *художественнымъ реализмомъ* — ни звуками, ни красками, ни словами“... Стр. 58.

¹⁾ Ibid стр. 88. И еще: истое Правословіе знаетъ только *образъ* или *икону* Христа, а не *картину* и *портретъ*“.—Стр. 103.

творчества человѣка. Такъ—въ искусствѣ живописномъ не должно быть картинъ или портретовъ Христа, а должны быть лишь иконы или образа; во и въ области иконописи существуетъ, какъ извѣстно, искусство, т. е. возможно свободное творчество человѣческаго генія, нисколько не препятствующее созданію художника быть именно иконою. И существуютъ величайшія произведенія гениальной кисти, въ правѣ которыхъ помѣщаться въ храмахъ никто усомниться не можетъ,—которыя являются иконами въ высшемъ, истиннѣйшемъ и, можно сказать, святѣйшемъ смыслѣ слова. Икона, надъ которою плакалъ художникъ, рисуя се, не вызоветъ ли слезъ умиленія и въ храмѣ? Но такая икона не можетъ быть только механически воспроизведенной копіей съ разъ навсегда даннаго образца.

И никто, думается, не станетъ утверждать, что наши храмы стали бы болѣе православными (по внѣшнему виду), если бы въ нихъ были воспрещены иконы, указаннаго рода, и были допущены только печатные, неизмѣнныя снимки съ разъ навсегда утвержденныхъ образцовъ, точныя съ нихъ копіи,— какъ никто не сталъ бы утверждать, конечно, и того, что подобнаго рода перемѣна могла бы содѣйствовать оживленію религіознаго чувства молящихся, помочь развитію его, вдохновлять, оживотворять. Не ясно ли было бы совершенно обратное? . Все мертвое жизни служить не можетъ; мертвая, застывшая форма неестественна, вредна, убійственна для чувства живого. Иное дѣло—извѣстные законы, извѣстная норма въ искусствѣ (что и предлагается, дѣйствительно, Православною Церковью) и иное дѣло—когда эти законы служатся до границъ трафарета (чего никогда не узаконялось ею). Закономъ, нормою для искусства иконописнаго при изображеніи Христа Спасителя является, дѣйствительно, извѣстнаго рода символизмъ, условность,—не стѣсняющіе, однако, развитія самого искусства.

Отъ живописи, какъ отъ примѣра болѣе яркаго и нагляднаго, вновь возвратимся къ искусству слова. И здѣсь, когда дѣло касается изображенія Христа Спасителя, необходима, дѣйствительно, символика, необходима условность; художникъ слова не можетъ отказаться отъ нихъ, не переходя сознательно въ лагерь Штраусовъ и Ренановъ, не

измѣняя сознательно Христу, какъ Богочеловѣку, какъ истинному Сыну Божію. Символь для него — выраженіе его вѣры въ непостижимость Изображаемаго, въ Божественное достоинство Его; символъ въ его произведеніяхъ (а символомъ въ художественныхъ произведеніяхъ слова являются конечно, извѣстные богословскіе термины и формулы), — символъ въ его произведеніяхъ — это знаменованіе отреченія его отъ ложной въ данномъ случаѣ и неосуществимой идеи художественнаго реализма. Но въ тоже время символъ для него — не мертвящая форма, не суровое требованіе отреченія отъ божественнаго дара творчества, а — лишь извѣстнымъ образомъ нормирующая его творчество высочайшая идея. Эту высочайшую идею, непостижимую, а потому ищущую себѣ выраженіе только въ символѣ, поставить въ тѣснѣйшее, въ органическое единство съ произведеніемъ своего свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго творчества — (инымъ творчество не можетъ и быть) и составляетъ ту задачу, разрѣшеніе которой возможно только истинному художнику, при обладаніи, сверхъ того, нравственно-религіознымъ геніемъ.

Осуществленіе этой задачи заключается въ томъ, чтобы каждая черта въ творчески возсозидаемомъ образѣ Богочеловѣка возможно естественнѣйшимъ образомъ переходила въ безконечность, изображаемую символомъ. Этотъ символъ не устранимъ, онъ представляетъ необходимое предположеніе Божества изображаемаго; но заслуга художника тѣмъ выше, чѣмъ далѣе онъ отодвинулъ символъ, потому что тѣмъ естественнѣе тогда условное въ созданномъ образѣ сочетается съ свободнымъ творчествомъ. Не трудно, напр., въ искусствѣ живописномъ къ изображенію Христа присоединить нимбъ, сіяніе, — и этимъ символомъ ознаменовать необходимое для христіанина предположеніе Его Божественности; но если это сіяніе будетъ придано къ образу человѣческому, нисколько не выдѣляющемуся въ отношеніи духовной красоты изъ ряда другихъ человѣческихъ лицъ: получится впечатлѣніе болѣе или менѣе рѣзкаго диссонанса, и развитое религіозное чувство не можетъ не ощущать этого диссонанса и — не оскорбляться имъ. Иное впечатлѣніе производитъ изображеніе Христа, когда вдохновенный художникъ, начертавъ высшую, доступную творческому изобра-

женію его, одухотворенную человѣческую красоту Лика Спасителя, окружить его тѣмъ же условнымъ знаменованіемъ Его Божества: впечатлѣніе, не смотря на двойственность условности и свободы изображенія, не будетъ уже отзываться диссонансомъ; напротивъ — образъ художника будетъ отвѣчать общечеловѣческому сознанію, что человѣческая красота—сродна Божественной и есть отобразъ ея, что за высшими ступенями богоподобный, человѣческому постиженію доступной красоты, есть нѣчто, сіяющее, подобно нестерпимому блеску солнца, той нетлѣнной, вѣчной красотою, которой созерцаніе въ нескончаемые вѣка будетъ источникомъ блаженства душъ чистыхъ... Задача художника достигнута будетъ тогда, когда цѣнгель его произведенія самъ живо почувствуетъ всю необходимость этого, окружающаго ликъ Спасителя, сіянія и, воспроизводя себѣ художественный образъ Его, не въ состояніи будетъ отрѣшить его въ своей мысли и воображеніи отъ этого сіянія, — не въ состояніи будетъ представить себѣ безъ него Божественно-прекрасный Ликъ; это сіяніе тогда—не внѣшняя уже механическая прибавка; отнять его или — присоединить не зависитъ тогда уже отъ произвола зрителя или самого живописца.

Вотъ идеаль художественнаго изображенія Христа; мы видимъ, что при условности и символизмѣ, онъ оставляетъ еще безграничную область для свободно-художественнаго творчества, задача котораго—въ возвышеніи и осмысленіи самого символа, въ его, такъ сказать, оправданіи. И Церковь Православная не стѣсняетъ свободы этого творчества; исторія иконописи совершенно подтверждаетъ это ¹⁾. Православное направленіе въ данномъ случаѣ есть истинно-христіанское направленіе, вполне соответствующее самому существу дѣла. Ни чистый реализмъ (выродившійся изъ принциповъ католичества), ни чистый символизмъ (протестантства) не удовлетворяютъ человѣка; истина православнаго преданія въ отношеніи изображенія Богочеловѣка—въ художественномъ сочетаніи символизма, гдѣ творчество не-

¹⁾ Не въ Православной ли Церкви существуютъ сказанія объ Ангелахъ, даже помогавшихъ благоговѣйнымъ художникамъ-иконописцамъ.

возможно, — съ художественнымъ реализмомъ, отвѣчающимъ реальности человѣческой природы Спасителя.

Такъ и въ искусствѣ слова — высокая задача христіанскаго художника, возможная для него, какъ мы упомянули, помимо таланта, лишь при обладаніи геніемъ нравственно-религіознымъ, состоитъ въ томъ, чтобы художественно созданный образъ Спасителя довести до органическаго единства съ символикой Его Божества. Это художественное единство реального изображенія съ условнымъ, творчества конечнаго — съ символикой непостижимаго и безконечнаго, — высочайшимъ и недостижимымъ идеаломъ своимъ имѣетъ нераздѣльное, личное (ипостасное) единство конечнаго и безконечнаго естества въ самомъ Христѣ. Человѣческая красота, повторимъ, есть отобразъ Божественной, и въ Богочеловѣкѣ именно она постепенно переходитъ въ послѣднюю, — въ возрѣніи, конечно, человѣка, стремящагося къ познанію Спасителя своего. И если достиженіе такого идеала, конечно, невозможно, то слѣдованіе ему составляетъ долгъ и задачу христіанскаго художника и доступно ему, смотря по силѣ его генія. Въ его изображеніи Богочеловѣка каждая черта духовнаго Его облика должна выступать — и истинно и прекрасно — человѣческою, и непостижимо-Божественною; все изображеніе его должна проникать эта двойственность, — и чѣмъ менѣе замѣтна и рѣзка она, и чѣмъ далѣе, вповь, отодвинуть символъ, чѣмъ естественнѣе онъ примкнулъ къ свободному творенію генія художественнаго: тѣмъ цѣльнѣе образъ и выше заслуга художника, — тѣмъ лучше осуществлена задача его.

Вполнѣ очевидно и изъ сказаннаго уже ранѣе ясно слѣдуетъ, что богоначертанное изображеніе Иисуса Христа въ Евангеліи должно, конечно, навсегда оставаться неприкосновенной святыней ¹⁾; всѣ человѣческія попытки и усилія

¹⁾ Проф. М. Д. Муретовъ въ вышецит. статьѣ своей: „Церковь ревностно оберегала неприкосновенность четвероевангелія, какъ единственно возможнаго и единственно потребнаго для христіанъ начертанія Искупителя-Богочеловѣка въ Его словахъ и дѣлахъ“... Стр 106—107.— „Церковь всегда берегла и доселѣ хранила, какъ заветную святыню, евангелія св. Апостоловъ въ неприкосновенномъ видѣ, справедливо полагая, что всякое прикосновеніе къ этой святынѣ со стороны теперешнихъ ученыхъ мудрецовъ и художниковъ можетъ лишь затемнить начертанный въ нихъ пре-

должны быть направлены лишь къ тому, чтобы приблизить эту святыню къ разумѣнію человѣка, ввести въ полное обладаніе ею, а не упразднить ея, не разрушать превратнымъ толкованіемъ, не подмѣнять самоизмышленною иною. Евангеліе — Божеств. Откровеніе; трудъ человѣка можетъ быть посвященъ лишь усвоенію его. И всѣ научно-художественныя произведенія слова, такъ или иначе имѣющія въ виду ту же цѣль, что и евангеліе, т. е., изображеніе Богочеловѣка. не только не должны посягать на единство евангелія, какъ незамѣнимаго повѣствованія о Христѣ, но и задачей своей должны имѣть — вводить върующихся въ высшее единство разумѣнія его: они составляютъ необходимую связь, кою посредствуется Откровеніе съ воспринимающимъ его человѣческимъ духомъ. Имѣя въ виду сказанное прежде, кратко опредѣлимъ, что Евангеліе есть какъ бы начертанный Духомъ Св. символъ (въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова) Богочеловѣческаго достоинства Христа Спасителя: символъ навсегда неизмѣнный, священный, неприкосновенный; творчество человѣческое должно касаться того, что уже ниже этого символа, что опредѣляется имъ и отъ него всецѣло зависитъ, — но что и необходимо къ уясненію самаго символа, просвѣтленію его высшаго знаменованія.

свѣтлый образъ нашего Искупителя“ .. Ibid. 107. И нельзя, дѣйствительно, не согласиться, что иныя, произведенія художниковъ и ученыхъ нашего времени суть не что иное, какъ нечистое прикосновеніе къ Евангелію, оскорбляющее святыню его. Такимъ оскорбленіемъ вообще должны почитаться всѣ тѣ труды, авторы которыхъ очевидно стремятся стать новыми евангелистами и дать міру новое евангеліе, путемъ капитальной переработки стараго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Евангеліе перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно есть и чѣмъ должно остаться навсегда, т. е. непогрѣшимымъ повѣствованіемъ о Христѣ, а раз матривается какъ чисто, человѣческой документъ. Его критикуютъ, исправляютъ, навязываютъ чуждый ему смыслъ и т. д.: это, дѣйствительно, есть святотатственное „прикосновеніе“ къ нему, иначе говоря, покушеніе на его неприкосновенность. Но можно и должно творчеству человѣческому воспроизводить свободно евангельскій образъ Христа, не посягая на неприкосновенность самаго евангелія: вотъ наша мысль.

Теперь, когда предъ нами, соответственно значенію Лица Богочеловѣка Христа въ самомъ христіанствѣ, выяснилось безмѣрно великое значеніе изображенія Его въ наукѣ и искусствѣ,—понятнымъ становится и смыслъ нѣкоторыхъ современныхъ намъ явленій.

Вдумываясь во внутренній смыслъ этихъ явленій, нельзя не придти къ заключенію, что враги христіанства овладѣли тайной усиѣха его, что истинный источникъ его силы уже открытъ ими, и они искусно пользуются этимъ для своихъ цѣлей. Христось, сказали мы, святыня любви человѣческой,—и не должно уже болѣе казаться страннымъ, если, какъ древній предатель, самые враги Его приближаются къ Нему не иначе, какъ съ льстивымъ поцѣлуемъ. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи всѣмъ хорошо извѣстный примѣръ Ренана. Лишая Христа Божественности, онъ украшаетъ Его всѣмъ, что есть прекраснѣйшаго въ человѣчествѣ,—и этимъ образомъ прельщаетъ многихъ. Онъ зналъ, что было нужно, когда, какъ новый терновый вѣнокъ, сплеталъ Христу вѣнецъ льстивыхъ похвалъ и, хотя съ сомнительнымъ наэосомъ, выражалъ Ему свое восторженное удивленіе...

Мы стоимъ въ концѣ XIX; цѣлое столѣтіе, слѣд., уже отдѣляетъ насъ отъ тѣхъ вольнодумцевъ конца XVIII вѣка, выразительнѣйшимъ представителемъ которыхъ является Вольтеръ, грубымъ кощунствомъ и глумленіемъ думавшій достигнуть того, чтобы чрезъ сто лѣтъ отъ христіанства, какъ религіи, не оставалось и слѣда. Эти сто лѣтъ прошли, но они не ознаменовались ничѣмъ подобнымъ предположеніямъ Вольтера, и только сами преемники его въ борьбѣ съ христіанствомъ должны были убѣдиться въ полной неэффективности избранныхъ имъ для этой борьбы средствъ. Въ христіанствѣ была сознава ими нѣкоторая великая сила, столь же мало доступная дѣйствию насилія правящаго (кощунства, глумленія ¹⁾), какъ и физическаго,—и найдти ее было тѣмъ болѣе негрудно, что неотразимое дѣйствіе

¹⁾ Конечно, этого не созналъ еще Л. Толстой, грубый въ осмысленіи христіанской вѣры—до цинизма и пошлости, но, вѣдь, онъ у насъ явленіе „самобытное“.

ея не могли не чувствовать на себѣ въ извѣстной степени и сами они. Такой неодолимой силой въ христіанствѣ является любовь ко Христу, — они сознали это, но они поняли также, что, если этой силы нельзя побѣдить, то ей можно дать нѣкоторое иное, болѣе удобное для нихъ направление.

Отсюда именно — высокопарный пафосъ Ренана въ характеристикѣ Христа, отсюда — множество подражателей ему въ подобномъ же родѣ; вотъ почему — едва не на каждой страницѣ современныхъ газетъ и журналовъ, даже самаго отрицательнаго направленія, можно встрѣтить святѣйшее имя Христа, хотя бы и на ряду съ именами Будды и Магомета. Вотъ откуда, далѣе, эта удивительная, повидимому, при господствующемъ религіозномъ индифферентизмѣ въ свѣтскомъ нашемъ обществѣ, настойчивость въ избраніи евангельскихъ сюжетовъ представителями искусствъ, скульптурнаго и особенно живописнаго для произведеній, всецѣло проникнутыхъ тѣмъ же ренановскимъ духомъ, тѣмъ же стремленіемъ — подъ видомъ прославленія Христа низвести Его на ступень простаго великаго человѣка. Кажется, къ участию въ этой работѣ скоро привлечена будетъ и сцена...

Опасна эта работа; если теперь для всѣхъ уже стало ясно, что открытаго униженія Христа человѣчество не допуститъ, что Онъ дорогъ на самомъ дѣлѣ и тѣмъ, кто Его отрицаетъ, какъ Богочеловѣка, то многіе, съ другой стороны, бываютъ прельщены образами Его, облеченными въ ложное величіе и призрачную красоту, принимая багряницу Прода за царственное одѣяніе небеснаго Царя. Коварно обольщаемые, они думаютъ, что сохранили всю любовь свою ко Христу, все благоговѣніе къ Ному — и не замѣчаютъ, что самая святыня ихъ любви лукаво подмѣнена уже другою, что они чтутъ Христа, но уже не того евангельскаго Христа, Сына Божія, который впервые Богочеловѣческимъ величіемъ Своимъ возжегъ въ нихъ пламень святой любви къ Себѣ...

Но если въ наши дни, такъ обр., самые противники христіанства привлекли науку и искусство къ воспроизведенію образа Христа въ мнимо прекрасномъ и обаятельномъ, но безусловно ложномъ видѣ, съ предвзятой цѣлю —

по ложному пути направить неистребимую въ сердцѣ чело-
вѣка любовь къ Нему; то отсюда ясна вся важность—въ
наша именно дни — задачи истинно христіанской науки и
искусства—противопоставить ложному образу Христа—Его
истинный, Богочеловѣческій образъ, въ той идеальной его
красотѣ и величіи, какія доступны только изображенію че-
ловѣка.

Особенно важна указанная задача для христіанской апо-
логетики: съ этого мы начали свою рѣчь; этимъ и закан-
чиваемъ ее. Духъ вѣка, отрицательныя ученія, общій скеп-
тицизмъ и упадокъ вѣры—заражаетъ сомнѣніемъ и тягост-
нымъ колебаніемъ и отдѣльныя души, причиняя имъ часто
п невыразимыя страданія. Когда требуется избавленіе отъ
этихъ страданій, нужна не столько полемика съ Ренанами,
Толстыми и под., не столько борьба, сколько—врачеваніе.
Если же здѣсь прежде всего нужно врачеваніе, то успѣхъ
можетъ быть достигнутъ только тогда, когда тщательно
изучена болѣзнь, и къ лѣченію ея приложены надлежащія
средства.

Но вся жизнь челоѣка состоитъ въ созиданіи Христа
въ сердцѣ его и знаменуется этимъ великимъ дѣломъ. *Безъ
Мене*, сказалъ Господь въ Прощальной Бесѣдѣ Своей съ
учениками: *Безъ Мене — ничесоже...* Это сказано о всей
жизни вѣрующей души: доколѣ Христосъ въ пей,—дотолѣ
ся жизнь; доколѣ, хотя изрѣдка, она ощущаетъ Его въ
себѣ, доколѣ, хотя въ рѣдкіе моменты, она способна про-
зрѣть и почувствовать, что такое райское блаженство любви
къ Спасителю: дотолѣ еще жива она. И такъ какъ каж-
дая болѣзнь выражается въ извѣстнаго рода ослабленіи
энергіи жизни: то и духовная болѣзнь христіанина выра-
жается въ потемнѣніи въ душѣ его образа Спасителя, или
въ искаженіи его, или въ конечномъ омраченіи: въ боль-
шемъ или меньшемъ разрушеніи того, въ созиданіи чего,
находя примѣненіе энергіи своей, жила она. Отсюда—въ
чемъ же другомъ должно быть врачеваніе, какъ не въ
просвѣтленіи образа Христа предъ омраченнымъ сознчіемъ
челоѣка,—какъ не въ содѣйствіи возвращенію челоѣка
на путь оживленія Христа въ сердцѣ своемъ?..

Это и есть та задача, служба которой прямо и косвенно,

христіанская наука и искусство приобрѣтутъ могущественное вліяніе на духовную жизнь христіанскаго общества, — служеніе которой, въ частности, сообщитъ характеръ особой жизненности и дѣйственности христіанской апологетики¹⁾.

К. Силыченковъ.

1) Вотъ что, думается, имѣлъ въ виду и Достоевскій, этотъ величайшій психологъ христіанинъ нашего времени, когда преднамѣчалъ себѣ „Memento на всю жизнь“—„написать книгу о Иисусѣ Христѣ“. Неужто же Базарова, такого какъ есть, людямъ взамѣнъ Христа предложить желаютъ?“...восклицаетъ онъ же устами г. Верховенскаго въ романѣ „Иды“,— (см. т. VII, ч. I, стр. 207. Изд. 1895 г.) и это краткое замѣчаніе совершенно объясняетъ приведенное его „memento“. Великій художникъ силой гевія своего чувствовалъ, что прежде всего должно прогнать и оставить всѣмъ такимъ идеаламъ, какъ идеалъ Базарова... И какъ прискорбно, что преждевременная смерть не дала ему исполнить свое „memento“!